

Виталий Каплан
**И ВЗОШЛИ
СОРНЯКИ**

Виталий Каплан
И взошли сорняки

«Автор»

2002

Каплан В. М.

И взошли сорняки / В. М. Каплан — «Автор», 2002

ISBN 5-17-018649-5

Представьте — вы мысленным усилием подключаетесь к другому человеку и пользуетесь его способностями. Решить задачку на экзамене, дать отпор хулиганам, оказать медицинскую помощь... Всё, что умеют другие, теперь сможешь и ты — если подключишься к ментальной сети, которую изобрёл непризнанный научный гений. Но такая сеть — лакомый кусок и для криминала, и для спецслужб. Изобретателя похищают, и удастся ли членам сети, образующим небольшое тайное сообщество, его найти? И что делать дальше? Ментальная сеть — благо или всё-таки зло? Текст представлен в авторской редакции.

ISBN 5-17-018649-5

© Каплан В. М., 2002

© Автор, 2002

Содержание

Глава 1. С корабля на бал	5
Глава 2. Кошки-мышки	11
Глава 3. Место для загара	16
Глава 4. Секретные материалы	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Виталий Каплан

И взошли сорняки

Глава 1. С корабля на бал

Если уж с утра не заладится – значит, и дальше добра не жди. Начать с того, что меня решили изнасиловать в лифте. Раньше со мной такого не случалось.

Выскочила я в булочную, у нас напротив подъезда, взяла «рижского» – и нате вам. Он зашел со мной в лифт, этакая дылда, метра под два, и морда шифером. Одет, однако же, был прилично, без всяческих молодежных фенечек. Да и на вид весьма за тридцать. Не из нашего дома товарищ, не имела несчастья раньше его наблюдать.

Нажала свой девятый, этот молча в двенадцатый тыкнул, поехали. Молчим. А потом он вдруг разом несколько кнопок давит, кабина дергается – и замирает между небом и землей. Вернее, между крышей и подвалом.

Незнакомый товарищ ко мне оборачивается, и глаза его мне активно не нравятся. Напоминают сверла по металлу.

– Ну, раздевайся, – говорит. Просто так, незатейливо. Будто червонец до послезавтра просит.

– Это вы кому, молодой человек? – интересуюсь. Спокойно интересуюсь, без нервов. Хотя внутри что-то все же свиристит и произрастает. Ну ладно я, а кабы простая пенсионерка?

– Вас тут что, много? – он, похоже, удивился. Никак воплей ждал? Но вытаскивает нож, длинная такая вещица, узкая, явно ручной работы. Резьбой, видно, увлекается.

– Юноша, – говорю, – зря вы это. Ведь нехорошо кончится, зуб даю. Во-первых, безнравственно. Любовь, понимаете ли, не три рубля, из кошелька не вынешь. И потом, я уже не в том возрасте, удовольствие, уверяю, получите ниже среднего.

Он лишь ухмыляется, в серых глазах бесенята пляшут, а щеки свекольными пятнами пошли. Дышит жарко, ручонки ко мне тянет, правой за шею ухватил. Пальцы длинные, потные, под ногтями грязи – хоть укроп сажай.

– А ведь предупреждала, – сказала я и вошла в Сеть.

Мир как всегда подернулся какой-то серой пленкой, поплыли перед глазами радужные пятна, словно бензиновые разводы в луже. Сразу остановились секунды, замерли тени, и влилась в меня холодная пустота, с легким мятным привкусом. Там, в бесцветном мареве, змейками струились каналы, прихотливо соединялись, разбегались, образуя затейливый рисунок.

Не было тут ничего сложного, я сперва выплеснула свой код – облизала зеленоватым лучиком пустоту. Потом, уловив языком сладкий вкус допуска, вызвала карту. Конечно, карта – это субъективно. Кто-нибудь помоложе вообразил бы компьютерное окошко, список, мышинный остренький курсор. Но я человек старой формации, я просто пролистала несколько страничек и поняла, куда направить запрос, и на кого. Тут вариантов было много, ресурс популярный. Стодил бы и Алик, и младший Исаев, но я потянулась сразу к тому, кто со словом «сразу» рифмуется. К Спецназу нашему я потянулась, к Николаю Юрьевичу, отставному подполковнику. Крайне положительный мужчина. Ценю.

Соприкоснулись мы без труда, с едва заметным журчанием потекла в мою сторону синеватая субстанция, и все, что мне оставалось – это ввести слово активации. Дальше участие разума не требовалось, тело, впитав чужие рефлексy и подстроив их под свою соматику, работало само.

Для начала я, резко выбросив вперед ногу, впечатала ему носком туфли под коленную чашечку. Вроде и просто, а буйвола уложишь – если, конечно, правильно попасть.

Буйвол и взвыл, теряя наглость и вождение. Однако, останавливаться на полдороги – не мой метод. И вообще, суровое телесное наказание в некоторых случаях бывает весьма полезительным.

Слегка подпрыгнув, ребрами обеих ладоней симметрично рубанула по его шее и тут же, довершая процедуру, локтем врезала согнувшемуся насильнику по затылку. Не абы куда врезала, а куда положено.

Немудрено, что заточка выпала из разжавшихся пальцев и глухо звякнула об пол, и секунду спустя на тот же давно немытый линолеум приземлилась обработанная мною туша. Вернее, не мною – нами с Николаем Юрьевичем. Это приятно, когда твои знания, умения и навыки востребованы обществом. Пускай и таким маленьким, узким. Зато дружеским.

Разобравшись с любителем извращенного секса, я принялась за лифт. Вызывать лифтера решительно не стоило, потом ведь милиция, «Скорая», и объясняйся, как это ты, шестидесятилетняя библиотечарша, сумела оприходовать эдакого буйвола. Совершенно не нужный мне поворот сюжета.

К счастью, все оказалось довольно просто. Комбинация кнопок «стоп» и «первый этаж» привела к тому, что медленно поехавшая куда-то кабина раскрыла свои челюсти на пятом.

Лифт явно исправился, но на всякий пожарный я побрела к себе на девятый по лестнице. И лишь открыв дверь квартиры, спохватилась – пакет-то с хлебом там остался, рядом с извращенцем. Очухается – покушает.

Ладно, не хлебом единым. Отварю-ка я макарон.

Так я думала.

И заблуждалась.

Надрывно, словно раненый ежик, запищал телефон.

– Такие, выходит, дела, Ольга Николаевна, – в десятый раз вздохнул Доктор, намазывая мне маслом бутерброд. Удивительно, как эти руки, выполняющие сложнейшие операции на человеческих внутренностях, едва справляются с простейшими кулинарными вещами? Я отобрала у него нож и батон, сделала пяток изящных бутербродов. Намечался приход Спецназа, а тот ненормально много ест. Причем сам худой точно катет прямоугольного треугольника... или как недавний насильник в лифте...

Доктор, к слову сказать, почти не обратил внимания на мой рассказ. Его угнетали вещи пострашнее. Потому-то он и вызвонил меня, и вытянул сюда, в квартиру на Якиманке. Люблю старые дома и такие вот квартиры, еще не полностью утратившие ауру интеллигентности. Доктора тоже люблю, платонически, разумеется. Люблю и сочувствую его супруге Полине. Такой неприспособленный к реальности мужчина...

Он, однако, не спешил мне все поведать – ждал, когда подтянутся Спецназ и Сисадмин. Этакое наше доморощенное политбюро. При особе драгоценнейшего Босса. Хотя особа-то как раз и подкачала.

– Четвертый день уже, Ольга Николаевна. Мобильный отключен, к городскому телефону не подходит. Мы уже и на квартиру к нему ездили, без толку. Даже счетчик не крутится. И соседи говорят – не знаем, не видели. А между прочим подошел срок очередной инициализации. И что будет? Да и, знаете ли, чисто по-человечески...

Тут он прав. Босса было жалко чисто по-всякому. В пятьдесят два без семьи, без постоянной работы, да и без денежной профессии. Ну да, он гениален, он перевернул все представления (хотя кроме жалкой горстки нас никто о перевороте, слава Богу, не подозревал).

Но дома у него засилье тараканов, брюки его неглажены, холодильник испорчен, в желудке – язва. А теперь еще и бесследное исчезновение.

– В милицию надо было заявить, – объяснила я Доктору. – По крайней мере, это их обязанность.

– Ох, Ольга Николаевна, – тот страдальчески взглянул на меня, – ну вы точно с другой планеты. Да кто же нас с вами там слушать будет? Мы же не родственники, не представители трудового коллектива. Да и прошло-то всего три дня, отфутболит милиция. Сами знаете, какое время, какие нравы. Нет уж, это надо нам своими силами...

В прихожей послышался шум, точно небольшой вертолет совершил там посадку. Все понятно – сие не вертолет, а Спецназ. Умея ходить совершенно неслышно, в быту он предпочитает совершать множество лишних тело- и звукодвижений.

– О, вы уже здесь, Ольга Николаевна! – всплеснул он излишне волосатыми руками. – Вы как всегда оперативны. С каким бы удовольствием пошел я с вами в разведку... Сергей Павлович, вы уже ввели в курс дела?

– Да я... – замялся тот, – так, в общих чертах.

А то я не понимаю: Доктор тянул время за хвост, словно Чеширского кота. Видно, чего-то особенного им от меня надо, вот и дожидаются кворума.

– Конкретные черты будут не раньше, чем придет Сисадмин? – с невинным видом поинтересовалась я.

Так и есть! Докторские глазки забегали словно встревоженные тараканы. Ох уж мне эти тайны мадридского двора... вернее, московской кухни. Как будто нельзя все сказать четко и ясно.

– Значит, так, Ольга Николаевна, – вцепившись в бутерброд, начал Спецназ. – Не будем мы ждать Алешу, с ним уже переговорено. Короче, факты. Босс наш, Юрий Михайлович, потерялся. Три дня мы не можем установить его местоположение. Вы догадываетесь, чем это чревато для нашего общества?

– Да уж не дура, – согласилась я. – Екнется скоро наша славная Сеть, и все дела. Так, вроде, сейчас выражаются?

– Если бы только это, – поморщившись как от больного зуба, вставил Доктор. – Есть у нас подозрения... всё может кончиться и хуже. Понимаете ли, Михалыч наш человек гениальный, а гениальность порой оттеняется некоторыми странностями. Это я вам как врач говорю.

– Короче, у него, похоже, крыша поехала, – добавил Спецназ. – Перед тем, как исчезнуть, со всеми нами переругался... пургу какую-то нес. Вроде как мы должны резко его забыть, жизненные пути пересеклись напрасно, и Сеть – самая большая его ошибка. И дальше совсем невнятица. Обиделся он, что ли? Но произнес он и такую фразочку, мол, нельзя таиться от общества... и все такое.

– Я бы предположил обострение, – высказался доктор. – Возможно, сумеречное состояние... он может прийти в себя за тысячу километров от дома. А может сделать что-то неадекватное... журналистам, к примеру, о Сети рассказать.

– Ну и что? – возвела я очи горе. – Дорогие мои, да кто же безумному поверит? Желтая пресса на то и желтая, чтобы к ней относились как к пареной репе.

– Не так все просто, – вознамерился переспорить меня Спецназ. – Нам без разницы, поверит ли обыватель. Но есть очень серьезные люди, которые отслеживают подобные публикации... и тщательно проверяют факты. Как старатели, перебивают тонны пустого песка, но изредка им попадается и золотой самородок. И вот оказаться объектами изучения, в каком-нибудь закрытом институте... ручаюсь, Ольга Николаевна, вам не понравится.

Да, мысленно согласилась я, тут он прав. Это они умеют. Никому не позволю втыкать мне в череп электроды! Даже ради государственного блага.

– И вот поэтому, – вздохнул Доктор, – мы должны найти Юрия Михайловича. Найти и убедить, так сказать, вернуться в семью. Уговорить не делать глупостей.

Нехорошие подозрения зароились у меня в голове. Неспроста, ох, неспроста вызвали меня на это «политбюро». Раньше-то я хоть и была знакома с Доктором и Спецназом, но во всякие внутренние тонкости и тонкие внутренности меня не посвящали. И немудрено – в Сеть я пришла всего два года назад, когда все уже было закручено и обустроено, когда, в полном соответствии с макаренковской теорией коллектива, сложились ядро, актив и периферия. Именно периферийным устройством я до сего дня и считалась. А тут вдруг приглашают, бутербродами кормят, посвящают в тайны. Мне оно надо? Вопрос наравне с «быть или не быть».

– И вот чтобы не тянуть кота за хвост, – отведя взгляд, вздохнул Спецназ, – мы хотели бы попросить вас, Ольга Николаевна, о помощи.

– О какой же?

В животе у меня заныло, как бывает от неумеренного потребления газированной воды.

– Мы хотели бы поручить поиски вам, – решившись, выпалил Доктор. – Поверьте, вы невероятно талантливый человек. У вас потрясающий дар убеждения, вы легко сходитесь с людьми, вы умеете сказать так, чтобы до печенок дошло. Кроме того, у вас мощный аналитический ум, так что вы сообразите, как построить систему поиска.

Ну вот, приплыли! Картина маслом и углем. Активированным... Как они тут здорово все за меня решили.

– Правильно ли я понимаю, – справившись с собой, поинтересовалась я, – что вы, двое мужчин, решили спихнуть тяжелую и грязную работу на слабую, пожилую женщину? Поистине рыцарское поведение!

– Но, Ольга Николаевна, – сейчас же заюлил Доктор, – вы же понимаете, о чем идет речь. Фактически, от вас зависит будущее Сети... да что там Сеть – полтора десятка человеческих жизней, которые в одночасье могут оказаться искалечены...

Эка он наловчился говорить красиво. Так вот, небось, и перед Полиной оправдывается, начиная от грязной посуды и кончая, должно быть, смазливymi медсестричками.

– Ольга Николаевна, – подключился Спецназ, – ну что тут поделаешь? Мы долго совещались, перебирали варианты. Поймите, кроме вас – некому. Будь нас побольше, может, и нашлось бы какое-то иное решение. Но сами гляньте – кого еще посылать? Трезво оцените людей, и увидите.

– Что же лично не поедете на подвиги? – прищурилась я, размышляя о том, как выглядел Спецназ в розовом пионерском детстве. Есть у меня такое хобби – прикинуть, каким ребенком мог быть шестьдесят лет назад этот вот старичок, или какой дедушка в середине века вырастет из того лопухого карапуза с пластмассовым совочком. Интересное развлечение, достойное, скажем, Экклезиаста.

– Бесполезно, – признался Спецназ. – И мне бесполезно, и вон Доктору, про Алешу я уж не говорю. Максимум на что мы способны – это найти Михалыча. Но найти – это даже не полдела, это хорошо если четверть. Вот уговорить – задача не по нам. Не станет он нас слушать. Проверено. Но с вами всё иначе. Вы женщина, вы умная, вы, откровенно скажу, очень обаятельная. Поверьте, мне самому неловко... действительно, получается вроде как мы прячемся за вашу широкую спину.

– Спина у меня узкая, – недовольно повела я плечами.

– Да, разумеется, разумеется, – извинился Спецназ. – Но все, что от нас зависит, мы сделаем. Вы получаете неограниченный доступ к сетевым ресурсам. Ну и, конечно, все расходы – это вообще не разговор. Сколько надо, столько и возьмите.

В его руке непонятно откуда образовалась толстая пачка денег.

Да уж... Ходил дядя на базар, дядя лошадь торговал...

– И как же, по-вашему, я буду искать дорогого Босса? – осведомилась я, уже понимая, что не отвертеться. – Я, в отличие от некоторых, не Шерлок Холмс, и даже с доктором Ватсоном меня ничего не роднит. У вас есть хоть какие-то предположения?

– Мы думали об этом, – снова проявился Доктор. Пока Спецназ вил из меня веревки, этот, оказывается, успел сожрать все бутерброды. Я давно заметила, что у некоторых волнение проявляется усиленной работой челюстей.

– Думали – это хорошо, – кивнула я. – Ну и как успехи?

– Ну, кое-что придумали, – Доктор по-прежнему отводил глаза. – Во-первых, мы решили дать вам помощника. Все-таки одной вам будет трудно... ну даже в бытовом плане... А главное, в такой ситуации, где приходится гадать на кофейной гуще, нужна острая, чуткая интуиция.

– Угу, угу, – отхлебнула я неумело заваренного чая. – И кто же это у нас такой острый и чуткий, хотела бы я знать?

– Мы с Полиной посовещались... В общем, лучше бы вам дать в сопровождающие Олега. Он, конечно, мальчик не без минусов... но вы же знаете, насколько догадлив... вы ведь и сами однажды пользовались его ресурсом.

Что правда, то правда. Было. Моя непутевая племянница Танька в марте вздумала продавать квартиру. И хотя все вроде гляделось замечательно, красиво и респектабельно, меня не покидало смутное сомнение – уж не заваривает ли Танька роковую кашу? Но ощущения к делу не пришьешь, а за дуреху страшно. Ведь случись что, бомжихой станет. Пришлось поискать помощь в Сети. Доктор с Полиной как раз тогда инициировали своего старшего, Олежку. Любопытства ради (да, есть и у меня грехи) я подключилась к мальчику и посмотрела на Танькину ситуацию его глазами. Вернее, глаза-то были мои, а вот интуиция, «нутряное чутье» – его. И разом кусочки пазла сложились в такое неприятное панно, что я вызволила племянку и все разложила ей на пальцах. Спасла.

– То есть я помимо всего прочего должна состоять гувернанткой при юной особе? – Меня и впрямь не прельщала подобная перспектива. – Приглядывать, воспитывать, задачки на дробь с ним решать? А знаете, я могу вам и полы вымыть...

– Ольга Николаевна, ну зачем так-то, – улыбнулся Доктор. Хорошо улыбнулся. – Во-первых, вы любите детей, долгие годы работали учителем в школе... Во-вторых, все будет совсем иначе. Олег – достаточно взрослый мальчик, тринадцать лет, вполне самостоятельный в бытовом отношении. Наоборот, он во всем будет помогать. Вам не придется вытирать ему нос.

– И еще, – вставил Спецназ, – вдвоем вы вызовете куда меньше вопросов у окружающих. Пожилая женщина путешествует с племянником.

– Никогда не поверю, что этот мой новоявленный племянник отличается благонаравием и послушанием, – вздохнула я. – Мне уже заранее страшно.

– Вот уж о чем не беспокойтесь! – всплеснул руками Доктор. – Мы Олегу очень серьезно разъяснили ситуацию. Он отнесся чрезвычайно ответственно. Ну а если все-таки вдруг что – вы с ним поостроже. Впрочем, кому я это говорю – опытной, заслуженной учительнице.

– Заслуженного мне не дали, – отрезала я. – Рылом не вышла.

– Да, вы очень принципиальный человек, – согласился Спецназ. – Прогибаться под начальство органически неспособны. Уважаю. Теперь вон чего. Из всех родственников у Михалыча осталась только двоюродная тетка, и живет она в городе Мышкине, есть такой на Волге... Собственно, больше нашему Боссу и некуда податься. Адрес я по своим каналам нарыл, но телефона там нет, увы. Так что придется ехать.

– Чувствую, интересный и содержательный у меня получится отпуск, – заметила я обречено. – Как бы после всего этого не угодить в неврологический санаторий...

– Если что, – серьезно кивнул Доктор, – с путевкой проблем не будет, гарантирую.

Глава 2. Кошки-мышки

В этот безоблачный июньский день мне вдруг захотелось повеситься. Ненадолго – минут на пять. Да, я отношусь к людям, которые желают странного.

И еще я не люблю жару, а здесь, в автобусе, натуральное пекло. Душегубка. Если вдуматься, то и веревка с мылом излишни, все само собой устроится.

Окна, конечно, были раскрыты, но что с них толку, когда тяжелые волны мертвого тепла поднимаются от пола, обволакивают лицо, и душат, душат... Печка тут не отключалась. Хочу в январь!

Этому, так сказать, племяннику жара хоть бы хны. Одет соответствующе – футболка с изображением клыкастой морды (в Брэме такой зверь не упомянут), мятые джинсовые шорты (уж Полина могла бы погладить как следует). Волосам не помешала бы расческа.

Все нормальные мальчишки, едучи в автобусе, должны смотреть в окно, наслаждаясь видами. Во всяком случае, так было в моем детстве. Этот же уткнулся в ядовито-зеленую книжку и приступил к порче глаз. Я, естественно, отобрала поинтересоваться, чем же сейчас травится молодежь. Оказалось – некий Логинов, «Картёжник». Фантастика, да к тому же еще самая низкопробная. Вернув книгу, я объяснила «племянничку», что читая такую дрянь, он сейчас портит себе литературный вкус, и это может привести к страшному – невосприимчивости к русской классике. Ну как он впоследствии сможет читать Льва Толстого? Или хотя бы нелюбимого лично мною Достоевского?

Оказалось, Олегу оба гиганта мысли «по барабану», потому что не писали фантастику. Очень мне хотелось разочаровать наивного, но в такую жару я, увы, неспособна к длительной дискуссии. Пришлось самой наслаждаться видами.

Что ни говори, а лучше нашей русской природы ничего не придумано. Плоские, стелющиеся до горизонта поля, змейками разбежавшиеся речушки, редкие перелески, и вдруг – темные, вековые леса, навевающие мысли о Соловье-Разбойнике, мухоморах и партизанах. Я до глубины печенок ощущала свою сродненность с этой вневременной красотой.

Размечталась! Действительность рывком выдернула меня из грёз. Вопли, хруст, россыпь осколков, автобус резко тормозит, да так, что меня едва не приложило лицом о спинку переднего кресла. И все же я успела разглядеть, как справа по ходу метнулись под защиту огромных елей двое мелких пацанов, лет по десяти, не больше. Я даже определенно заметила, что они смеялись.

Вот тебе и партизаны, Ольга Николаевна! Юные искатели приключений, рыцари с большой автотрассы.

Автобус, издав омерзительную бензиновую вонь, остановился, водитель распахнул дверь, и кое-кто из мужчин бросился в лес, ловить поганцев. Да где там! У негодяев, небось, все рассчитано, пути отступления выверены. Хоть ищи, хоть свищи, все одно пустые щи.

Визжала сидевшая сзади молодая дама. Еще бы не визжать – кровищи-то сколько, на белом костюмчике. Прижимает к себе дочку, на вид ровесницу юных партизан. Похоже, девочку изрядно задело осколками. А эти все галдят, суется, вот и матерки на поверхность всплывают... Нет, придется командовать парадом.

– Так! – произнесла я своим фирменным голосом, и все разом замолкли. Даром, что ли, я тридцать лет на школьниках тренировалась? – Всем расступиться, девочку положите вот на это сиденье. Расступиться, я сказала! У водителя взять аптечку, обязан иметь. Трагедии никакой не случилось, во всяком случае, пока. Кто-нибудь с мобилами, позвоните, обрадуйте милицию. А я займусь девочкой. Мамаша, отойдите, не сопите под руку. И по возможности переоденьтесь, вы похожи на призрак в классической драме!

И вновь была серая пелена, мятный холод объял меня до самых глубин. Только уже не требовалось вводить зеленый лучик-пароль, мне настроили неограниченный допуск. Карту размещения ресурсов можно и не смотреть, и так ясно, к какому доброму Доктору подключаться.

Все-таки лечить – это не калечить, это гораздо проще. Спокойно и размеренно втекал в меня поток докторских знаний, а главное, рефлексов, которые жили в каждом его нерве. И после слова активации я действовала уже на автопилоте. Аккуратно извлекала осколки (за неимением лучшего подошли маникюрные ножницы), обрабатывала перекисью водорода порезы, останавливала кровь, зашивала раны (нашлись тут и шелковые нитки), накладывала повязки и лепила куда надо пластырь. Сейчас, подключенная к докторскому ресурсу, я и впрямь видела, что ничего страшного нет. Да, порезов много, местами есть глубокие, но, слава всем богам нынешних и древних религий, никакую артерию не задело. А ведь на сантиметр левее бы вошел осколок – и пожалуйста, сонная.

– Все, занавес! – объявила я. – Она будет жить. Самое скверное, что здесь негде помыть руки.

Сейчас же для помывки рук мне была вручена двухлитровая бутылка минералки. Народ снова загалдел, благодарная мамаша, и впрямь успевшая переодеться, щебетала мне в ухо какие-то глупости.

– Вы, наверное, хирург с большим стажем, – почтительно спросил кто-то из мужчин.

– Да я вообще универсал, – отмахнулась я. – Короче, девочка вне опасности. Но лучше бы ее все-таки поскорее доставить в ближайшую больницу. Вколоть от столбняка. Эй, погонщик каравана, – окликнула я водителя. – Какая у нас по курсу ближайшая?

Ближайшая оказалась против курса, пришлось разворачиваться и дуть обратно километrov десять, где в довольно крупном на вид поселке имелась амбулатория. Разумеется, оставлять шокированную женщину наедине с местной медициной было никак нельзя. К счастью, среди автобусных мужчин нашелся седеющий рыцарь, вызвался сопровождать.

Пухлощекая медсестрица, выглянувшая на наш зов, заверещала что-то об отсутствии полиса, но я выступила вперед и рассказала ей много интересного и о ней самой, и о законодательстве, и о смысле жизни. Короче, бастион пал.

Оставшаяся дорога в Мышкин вся прошла под аккомпанемент пассажирских разговоров. О способах воспитания детей, о разложении нравов, о разгуле преступности, о бездействии властей и тупости законов. Много было сказано глубокого и верного, не меньше прозвучало и пурги. Но вносить комментарии мне совсем не хотелось, жара, одурь, да еще и последствия того, что в Сеть лазила. Это ведь никогда не проходит даром. Такое чувство, будто отдала на донорской станции как минимум двести кубиков.

И еще допекало меня, что несколько капель девчоночьей крови испачкали-таки мою светло-серую юбку. Уж как я ни пыталась замыть минералкой – все равно заметно. А ведь и переодеться не во что, не взяла. Не собирались мы с Олегом в Мышкине долго торчать. Выяснить, не заявлялся ли Босс к своей тетке, и если нет (о чем наши с Олегом интуиции нам то и дело трубили) – немедленно в Москву. К позднему вечеру будем дома.

На последней перед Мышкиным стоянке (как всегда, мальчики направо, девочки налево) Олег шепнул мне:

– А быстро вы! Я только собирался в Сеть полезть и к папе подключиться, а вы уже там. Жалко, не успел.

Неспешно оглядела его сверху донизу – от растрепанных черных вихров до небрежно завязанных кроссовок.

– Дурь и царапины, – вынесла я наконец вердикт. – У тебя что это такое на шее, а?

– Где? – не понял Олег и принялся себя ощупывать. Прыщ, наверно, искал.

– Вот это, – легонько щелкнула я его по лбу. – Эта штучка называется голова. И дана она затем, чтобы думать. Вот и думай, кому из нас являть народу искусство медицины. Мне, почтенной даме профессорского вида, или тебе, с грязными ушами и болячками на коленках? Меня, как видишь, приняли за старого опытного хирурга – и успокоились. А за кого приняли бы тебя? За гениального вундеркинда? За члена кружка «Юный эскулап»? Не бывает в обычной жизни тринадцатилетних мальчишек, способных оказать такую вот медицинскую помощь. Странно это и подозрительно. Внимание привлекает. А в нашем деле что главное? Правильно, конспирация. Мало, что ли, тебе папа на сей предмет внушал?

Олег лишь носом шмыгнул. Хоть шея и длинная, и немытая, а ведь дошло...

В Мышкин приехали часам к двум. Ничего себе городок, зеленый, на газонах одуванчики. Домишки старые, много деревянных, хотя и торчат в центре кирпичные коробки, привет от сталинской эпохи.

Олег, понятное дело, рвался на подвиги – если только можно назвать подвигом визит к престарелой Тамаре Петровне, двадцать третьего года рождения, проживающей в частном доме на городской окраине.

Пришлось его, как теперь говорят, «обломать». Для начала мы взяли на автостанции обратные билеты, а после отправились куда-нибудь перекусить. Можно быть чудо-доктором, пользуясь ресурсами Сети, но никакая Сеть не защитит от язвы желудка.

Именно это я и объяснила поскучевшему Олегу, крепко взяв несознательного отрока за руку.

Рестораны (во всяком случае, здешние забегаловки назывались именно так) пришлось отсечь – и по финансовым соображениям, и, главное, по эстетическим. Вообще, не вижу смысла в подобных заведениях. Кто хочет нализаться до состояния тухлой сосиски, вполне может делать это на своих родных квадратных метрах. Незачем таскаться шут знает куда, смущая своим видом незрелые детские умы.

Нашлась, наконец, и столовая, где, несмотря на выходной день, было малоллюдно. И надо же, какая культура – на столике лежало меню, в картонной папочке. Я аж умилилась, после чего, не мудрствуя лукаво, выбрала рассольник, котлеты с рисом и компот.

– Я не буду есть эту гадость! – пискнул Олег, имея в виду рассольник. – Меня с детского сада от него воротит!

– Пища должна, во-первых, быть, – повернулась я к нему. – Во-вторых, здоровой. Капризничать будешь дома, а здесь и сейчас – вспомни торжественное обещание, которое ты, запинаясь и сопя, давал папе. Слушаться во всем. Никто за язык не тянул, теперь терпи. Хочешь и дальше лазить в Сеть, съешь не только этот аппетитный суп, но и дохлую крысу.

Судя по его кислой физиономии, Олег скорее предпочел бы крысу. Но подчинился, взял ложку. Вот так! С самого начала нужно внести ясность в отношения.

Отобедав, мы направились на поиски улицы Вишневой. Не сказать, чтобы сие занятие было таким уж легким. После того, как опрошенные местные жители показали нам три самых разных направления, пришлось надеяться лишь на свои силы. Увы, даже подключение к Сети не помогло. Никто из наших никогда не был в Мышкине. Хитрый Олежек попробовал напрямую подключиться к Боссу, дабы его глазами увидеть город.

Наивный... А то Спецназ с Доктором с самого начала не пытались! Вотще – ресурс глухо заблокирован. Я тоже проверяла – нет доступа. Мигают синие огоньки по желтому кругу. Этакие васильки в пшеничном поле. И сквозь них не пробиться, крепки как бетонная стена.

– Убедился? – дав мальчишке время осознать, я примирительно добавила: – Теперь напряги всю свою интуицию и прочувствуй, куда нам идти точно не надо. Из оставшегося будем выбирать.

И надо же – не подвело его хваленое «нутряное чутье». Спустя полчаса, пройдя какими-то шизофреническими переулками, вывернули мы на искомую улицу. Действительно, Вишневая. Во всех садах вишни, некоторые еще в цветочках, хотя уже и не время любоваться сакурой. Вот и он, дом пятнадцать. Покосившийся штакетник, одноэтажное строение, в стеклах веранды пляшут солнечные зайчики. Вдали виднеется огород – похожие на осоку стебли чеснока, свежие перышки лука, поблескивает подальше пленка парника.

Первым нас встретил рыжий пес дворянских кровей. Облаял, я бы сказала, матерно. Нет, я люблю собак, я истеричных не люблю. Не будь он на цепи – неминуемо погрыз бы.

Наконец, издав положенные стуки, скрипы и лязги, выползла на крыльцо хозяйка. Ой, что творит с людьми время! На вид я дала бы ей за сто, а ведь и восьмидесяти не исполнилось. Сама я, уже пятый год получающая пенсию, по сравнению с ней казалась, вероятно, просто молодой красавицей. Во всяком случае, мои щеки не ввалились, морщины не испещряют лоб линиями тяжелой судьбы, да и седых волос у меня всего ничего. Здесь же имела место классическая Баба-Яга из народных сказок.

– Добрый день, Тамара Петровна, – мило улыбнулась я старухе. Когда надо, я умею улыбаться столь мило, что американский «чи-и-из» отдыхает.

– Здравствуйте, – настороженно ответила хозяйка. И замолчала, ожидая продолжения. Я даже догадалась, что ее смутило. Бабка мучительно размышляет, впрямь ли она никогда меня не видела, или же пала жертвой беспощадного склероза.

Что ж, сейчас все и выясним.

– А мы к вам с поручением, Тамара Петровна. Из Москвы. У нас тут турпоездка, по старинным городам... вот, племянника с собой взяла, очень поучительно... так вот, меня мой коллега, Юрий Михайлович Терлецкий попросил... мы с ним работаем вместе... Попросил посылочку передать. Раз уж, говорит, вы в Мышкине будете, не откажите в любезности, зайдите на Вишневую, тете Тамаре передайте. Вот, возьмите!

Посылочку я сложила заранее, еще в Москве. Раз уж «политбюро» не ограничило меня в финансах... Пуховой платок, микроаптечка, заклеенный конвертик с деньгами. Пятьсот рублей погоды не делают, но старушке будет приятно. Лишний раз добрым словом племянника вспомнит.

Конечно, я рисковала. Окажись так, что Босс действительно скрывается в домике на Вишневой, возник бы тягостный «момент недоразумения». Что ж, тогда пришлось бы действовать по обстоятельствам. В конце концов, посылочка могла быть вручена мне и неделю назад, и две. Поездки – дело не спонтанное.

Но тягостного момента не возникло.

– Ах, Юрочка! – всплеснула руками Тамара Петровна. – Он такой милый, не забывает! Открытки каждый год шлет, на седьмое ноября, на восьмое марта... и на Новый Год тоже. Да вы проходите, чайку попьем, с вареньицем! Ты, мальчик, какое варенье любишь?

Все было ясно. Никакой Босс тут давным-давно не объявлялся – иначе реакция бабульки оказалась бы хоть немного, да иной. Даже если бы он потребовал от нее стражайшей конспирации. Промелькнуло бы нечто этакое в глазах. В общем, первый блин, как водится, комом. Пора было уходить. Вежливо поблагодарить за приглашение, откланяться...

– Я больше всего малиновое люблю, – нахально заявил Олег. – А еще вишневое, и из красной смородины. Из черной меньше, а из сливы совсем не люблю, одна размазня.

– Так пойдемте же, – возрадовалась гостям старушка. – У меня и варенье всякое, и бараночки, и конфеты...

– Вы простите, Тамара Петровна, – я решительно отодвинула устремившегося к сладостям Олега. – Никак не получается. Нам к автобусу пора, а то еще уедут без нас. Слишком долго улицу-то искали, ни табличек, ни указателей... Может, как-нибудь еще будет экскурсия, вот тогда...

Олег разочарованно отвернулся и принялся демонстративно ковырять болячку под коленкой.

– А кроме того, – мстительно добавила я, – Олегу совершенно противопоказано какое бы то ни было варенье. Зубы, увы. Хронический кариес, что ни месяц, то к дантисту... к нему в поликлинике уже привыкли, как родного встречают. Всего доброго, Тамара Петровна, приятно было познакомиться. Обязательно Юре привет от вас передам. Даст Бог, еще свидимся.

– Хорошая вещь губозакаточная машинка, – негромко внушала я Олегу на обратном пути. – Варенья ему захотелось, понимаешь. А где варенье, там что?

– Кариес? – уныло предположил он, плетясь сзади.

– Сам ты кариес! Где чай с вареньем, там разговоры. Догадываешься, о чем? Правильно, о Юрии свет Михалыче. А многое ли мы с тобой о нем знаем, чтобы с теткой его болтать? Сразу и выплывут странности. Ляпнем чего не то, и готово. Смутится старушка, подозревать станет. Давление подскочит, или сердечный приступ. Нам оно надо, племянничек? Нам оно не надо. Тетушек надлежит беречь!

Глава 3. Место для загара

Не доверяю лысым. Рационально объяснить не могу, но не доверяю. Увидев этого водителя, интуитивно поняла: жди неприятностей. Возможно, столкнемся с бензовозом. Или опять в салоне будет пекло.

Пекла, впрочем, не было, печка здесь не работала. И это сразу ввергло меня в пессимизм. Ведь если не по малому, то по большому.

– Как там твоя интуиция? – шепнула я Олегу. – Что подсказывает?

– Она пирожок просит, – буркнул племянничек. – С яблоками.

– Мучное детям вредно, – ответствовала я, но пирожком оделила. Не зря же покупали перед выездом. Раз уж не получится нормально поужинать... Из Мышкина мы выехали в пять, в Москву доползем как минимум к девяти.

Автобус был заполнен не более чем наполовину. Поздний рейс, воскресенье. И водитель лысый. А главное, никому же не признаешься в своих страхах.

Олег уткнулся в желто-зеленое чтиво, я совсем уж было собралась высказаться о вреде для глаз, но у меня у самой лежал на коленях томик японской поэзии, и замечание оказалось бы дешевым фарисейством. Пришлось углубиться в хокку.

Очень, кстати, под настроение. Лето начинается, цветение трав, голубизна небес – но почему-то приходит на ум печальное. Увядание растворено в кипении жизни. Смерть стоит за плечом – как правило, за левым. И предлагает лимон без сахара.

Вот так же было и в позапрошлом году, в гостях у Юриста. Вернее, тогда я называла его Дмитрием Евгеньевичем и ни про какую Сеть еще не знала ни сном, ни духом. Познакомила нас Галка, моя институтская подруга и по совместительству сестра этого самого Дмитрия Евгеньевича, кандидата юридических наук.

Мы пили чай, вели беседы, и дух витал на должной высоте. Но временами, увлекшись ломтиками лимона, я ловила на себе заинтересованный взгляд хозяина дома.

Дело в том, что я обожаю лимон. Могу есть его без сахара, и если уж кладу в чай, то, выдавив сок, непременно жую измочаленный ломтик.

...Потом оказалось, это свойственно всем нам, способным подключаться к Сети. Разумеется, подходит отнюдь не каждый лимоноежка, но обратного пока не случалось. И потому это первый тест. Любишь лимон – возможен дальнейший разговор. Нет – расстанемся друзьями.

Почему так – науке неизвестно. Босс, кстати, и не претендовал на научность. Пока всё, что у нас есть – это отрывочное, эмпирическое знание. Михалыч, бесспорно, сделал великое открытие, но не только мир до него не дорос – не дорос, по его же словам, и сам Михалыч. Талантливый самородок, самоучка без диплома.

Паранормальные способности, как он говорил, были у него с детства. Снять зубную боль, взглядом обратить в бегство великовозрастного хулигана, отыскать потерявшееся кольцо. Не так уж это и много, до настоящей магии не дотягивает. Хотя я и не верю в настоящую.

Открытие свое сделал он пять лет назад, в лучших традициях – решение пришло к нему во сне. К его чести, Михалыч не стал подводить метафизическую базу, не обернул конфетку в фантик оккультизма. Но поскольку совсем без терминологии никак, то воспользовался компьютерным жаргоном. Поскольку подрабатывал в какой-то конторе инженером по обслуживанию оргтехники.

Поэтому наше объединение называется Сетью, тот навык, что каждый из нас выкладывает в общее пользование – ресурсом, та необъяснимая связь, благодаря которой мы способны переливать в себя чужие способности – каналом...

Автобус дернуло, точно зуб щипцами дантиста, мотор оглушительно взревел – и заглох. Ну вот, приехали. Подозревала же лысого!

Пассажиры закужжали, кто-то сунулся к водителю за объяснениями. Тот, однако, не снизошел до разговоров, выскочил из кабины и, откинув какую-то крышку спереди, принялся копать во внутренностях железного зверя.

Оставалось надеяться, что свое дело он все-таки знает. Я вернулась к стихам безвестного японца, жившего еще до исторического материализма. Наблюдательный был мужик, это точно. Вот, к примеру:

Бабочка летит
Ввысь, к полдневному солнцу.
Путь ее долог.

Ну прямо про наш автобус! Доберемся ли сегодня до Москвы?

Оторвавшись от синего томика, я обнаружила, что салон опустел. Пассажиры толпятся снаружи, пользуются случаем вдохнуть свежего воздуха, заодно и дать водителю советы.

Пришлось и мне вылезти из распахнутой двери, ступить на горячий, потрескавшийся асфальт. Пахло лесом и раздражением.

Олег, разумеется, вертелся возле потного и злого водителя. Наверняка все случившееся казалось ему веселым приключением. Наивный! Вот зайдет солнышко, налетят комары, вопьются в его голые руки-ноги – тогда и познает цену романтике.

– Слушай, брат, это надолго? – тронул меж тем водителя за плечо какой-то квадратного телосложения парень. Собственно, парню было за тридцать, но чтобы именоваться мужчиной, не хватало ему некой внутренней солидности.

– Может, и навсегда! – не глядя, огрызнулся лысый. – Нифига не понимаю. Не заводится, и все дела.

– Так это, – квадратный не позволил ему вновь нырнуть в мотор, – надо, короче, помощь вызывать. Не загорать же тут, согласен?

Да, место для загара и впрямь не лучшее. По обеим сторонам шоссе – мрачный лес, березы вперемежку с елками. Просвета не видать. Судя по обрывкам разговоров, до ближайшей деревни – как до Луны.

– Чем вызывать? – буркнул водитель. – У тебя телефонная будка в кармане?

– Зачем будка? – парень протянул ему мобильник. – Отстаешь от жизни. Давай, звони, я сегодня щедрый.

– Блин, умный! Гараж-то закрыт уже. Да и был бы открыт – один хрен. Кого я сюда вызову? Слесаря кто в отпуске, кто в запое.

– Ну и чего предлагаешь? – не сдавался квадратный. – Припухать здесь?

– Ну, может, проедет кто... – философски протянул водитель. – Может, скумекаем вдвоем-то...

– Ты смотри, брат, – квадратный говорил тихо, вернее, шипел по-змеиному. Я, правда, расслышала с десяти шагов, у меня слух абсолютный. – Ты смотри, если до полуночи я в Москве не окажусь, проблемы, брат, будут. У тебя.

Остальные пассажиры тоже потихоньку начинали заводиться. То и дело слышались скучные мужские непристойности, визгливые женские интонации. Словом, зоопарк. Обезьянник.

Посреди обезьянника раздался вдруг голос Олега:

– А можно мне посмотреть, что с мотором? Я разбираюсь, честно!

Ого! Дорвался малец до подвигов! Как будто ему не было строжайше запрещено лезть поперек батьки в пекло. Вернее, поперек тетки.

Шофер, ясное дело, энтузиазма не проявил. Взглянув на мальчишку как на мелкое кровососущее насекомое из четырех букв, он процедил:

– Отвали, мальчик. Блин, наглые какие дети пошли! Тоже туда же лезет, будто понимает.

И тут голова моя чуть закружилась, легкий холодок облизнул меня всю изнутри, заплясали перед глазами радужные пятнышки. Пришлось прислониться к стенке автобуса.

– Сами посудите, – громко заговорил Олег, обращаясь даже не к водителю, а к пассажирам. – Он все равно ничего не может сделать, вон сколько возился, и безрезультатно. Если мы станем ждать у моря погоды, то действительно придется или сидеть тут всю ночь, или пешком идти до ближайшего рейсового автобуса. А среди нас слабые пожилые женщины, – кивнул он в мою сторону, – и маленькие дети.

Имелись в виду двое очаровательных малышей-трехлеток. Близнецы. Их нервная мама, накручивая себя на ужасы, бегала возле детей и причитала. Слабая женщина. Тьфу!

Народ, привлеченный столь связной и логичной речью, заинтересованно повернулся к Олегу.

– А между тем я неплохо разбираюсь в автомобилях, – продолжал Олег. – У меня папа автослесарь, я с семи лет хожу к нему в сервис, он меня всему учит. И легковые знаю, и «Икарусы», и «пазики». В самом деле, ну вы прикиньте. Хуже ведь не станет, если я посмотрю. А вдруг получится? Ну допустите на миг такую вероятность. Только имейте в виду, если мы будем тянуть до бесконечности, станет темно, и тогда уж точно придется комаров кормить. Ну скажите ему, чтобы позволил мне посмотреть!

Зашебуршились. Сперва шепотом, друг другу, потом и громче. Квадратный парень внимательно, сверху вниз оглядел Олега и, взяв водителя за локоть, сказал:

– Слышь, а пацан дело говорит. От тебя не убудет, если он посмотрит. Сейчас дети ушлые, фишку рубят.

– Хрена я его пушу, к казенной-то машине? – отирая потный лоб, взревел шофер. – Он испортит чего, а мне потом из своего кармана плати?

– А кто тебя спрашивать-то будет? – как-то скучно возразил квадратный. – Не отсвечивай, посиди вон на травке. А то больно сделаю. Давай, пацан, – это уже Олегу, – покажи класс.

Того не нужно было упрашивать дважды. Он подбежал к мотору, уперся обеими руками о бампер, сунул голову в механическое чрево. Потом выпрямился, застыл на секунду будто суслик в степи, и уже иными, куда более осмысленными движениями принялся чего-то творить.

Умный мальчик, ничего не скажешь. Что он к Ивану Михайловичу подключится, авто-механику с сорокалетним стажем, было и так понятно. А вот что он, с целью получить допуск к мотору, воспользуется моим ресурсом – этого я доселе не предполагала. Умно, четко и ясно обрисовать окружающую ситуацию, надавить на нужные мозоли, не сказать ничего лишнего – тут без Ноновой никуда. Это мой вклад в общественную копилку.

Тогда, в позапрошлом году, мне всё рассказали далеко не сразу. Поначалу присматривались. Тест с лимоном я прошла, но теперь им требовалось понять, насколько я надежна. И насколько полезна. Нахлебники нам в Сети ни к чему. От каждого по способностям, каждому по дозированным потребностям. Это я понимаю.

Потом уже, спустя полтора месяца, пригласили к Боссу – якобы на юбилей к лучшему другу Юриста. Я и явилась, как дура, с полутораметровым зеркалом в охапку, весившим, наверное, с половину меня. Что еще дарить на пятидесятилетие одинокому мужчине? Пускай следит за собой.

Оказалось, зеркал у него в квартире навалом. То ли подарки таких же, как я, то ли коллекцию собирает. Кстати говоря, между двух зеркал он меня и усадил в черное кресло.

Теплые, какие-то необыкновенные руки у меня на голове. Льющийся отовсюду покой. Цветные всполохи перед закрытыми (так было велено) глазами.

У каждого из наших есть прозвище, по ресурсу. Спецназ, Доктор, Юрист... Автослесарь опять же, Химик, Ризлтер, Декан... И только я – для всех Нонова. Этим все сказано.

– Ну, диагноз ясен, – весело протянул Олег, обтирая ладони ветошью. – Прокладку пробило. Запасная у тебя есть? – повернулся он к водителю.

Проглотив наглое обращение на «ты», лысый молча полез автобусу в бок и вскоре вынул оттуда нечто вроде прямоугольной рамки.

– Ща поставлю, – хмуро сказал он, но Олег возразил:

– Нет уж, лучше я. Я по уму сделаю.

Водитель попытался было взреветь, но сию попытку в корне пресек квадратный. Взяв незадачливого мужичка за подбородок, он проникновенно сказал:

– Не суетись, брат. Ты свой навык уже всем нам показал.

Олег меж тем аккуратно что-то откручивал, завинчивал, промазывал. Тяжелая работа, хорошо что Сеть активизирует скрытые резервы. В обычном состоянии он давно бы спекся. А тут не прошло и получаса (специально засекала), как мальчишка объявил:

– Готово! Можете заводить.

Процедив что-то относительно вундеркиндов и ремня, водитель тем не менее послушно полез в кабину, и – предсказуемое чудо! – мотор заурчал, белая махина автобуса плавно тронулась с места.

– Ну вот, а вы не верили! – совсем по-детски ухмыльнулся Олег. Пассажиры цепочкой муравьев потянулись в салон, не переставая галдеть. Близнецы отчего-то ударились в рев. Должно быть, покой им дорожке движения.

– Молоток, парень! – квадратный радостно хлопнул Олега по плечу. – Я же чуял, фишку рубишь. Вот, в награду за труды!

Он протянул мальчишке что-то блестящее. Я немедленно рванулась поинтересоваться. Бойтесь данайцев, дары приносящих! Судя по квадратному, можно было ожидать чего угодно – от пакетика героина до противотанковой гранаты.

Оказалось, перочинный ножик. С кучей лезвий, пилочек и прочих придамбасов.

– Это слишком дорогой подарок, мы не можем его принять! – твердо заявила я. – Олег, немедленно ступай на место.

– Да какой же, блин, дорогой? – искренне огорчился квадратный. – Десять баксов цена, семечки. Я же, мамаша, от чистого сердца...

Угу, угу. Сердце у нас чистое, руки у нас холодные, голова горячая. Но устраивать сцену не стоило. Да и с Олегом потом хлопот не оберешься – не ушел ведь, рядом стоит, смотрит жадными глазами. Еще бы – первый гонорар...

– Ладно, – вздохнула я. – Поехали.

Торчали мы на шоссе часа два, и теперь лысый, развив бешеную скорость, делал из пространства время. Неслись едва ли не под сотню, и хотя солнце еще не утянулось за лесистый горизонт, водитель включил фары.

Олег, утомленный подвигами, задремал, привалившись к моему плечу. Книжка писаки Логинова скатилась с его коленей, шлепнулась на пол. Подумав, я все же решила подобрать. Как-никак типография старалась, печатала... Я вообще априори уважаю печатное слово. Но, разумеется, далеко не всякое.

Подключение к Сети никогда не дается даром. Есть, как объяснял мне когда-то Босс, естественное сопротивление мозга. Оттого и слабость, и сонливость. Не так чтобы уж очень, но тем не менее.

Как это происходит, все равно понять невозможно. Это не телепатия – мы не способны читать мысли друг друга. И никаких штучек вроде телекинеза и ясновидения. Вождедеющим к мистическому – крутой облом.

Просто сделал что-то такое Босс с нашими мозгами, отчего мы стали способны мгновенно связываться друг с другом. Расстояние роли не играет. Связываться – и путем мысленных операций получать доступ к чужим способностям. Видимо, мозги входят в резонанс, и из одного перетекает в другой. Не умеешь задачки решать, а у тебя экзамен – ну так на что у нас декан, доктор физматнаук? Хулиганы к тебе пристали в темном переулке – пожалуйста, есть и Боксер, то бишь Алик, и бывшая шпана Исаев, и, наконец, Коля-Спецназ. А если какие юридические проблемы... короче, понятно.

Самое сложное, как объяснял потом Босс – это подстроить чужие рефлексy к твоему телу. Без подстройки нельзя – сплошное безобразие выйдет. Вот и приходится выделять в мозгу зону, программировать, и она становится таким переводчиком.

К тому же нельзя подключаться надолго, никто не выдерживает. Максимум десять-пятнадцать минут, в редких случаях доходило до получаса, но потом такой отходняк... А отключившись, все чужие навыки теряешь. Отторгает мозг инородное.

Я слегка переменила позу. Некстати вспомнилась мне испорченная юбка, вернусь – замочу с «Ариэлем». Чем кольчугу стираешь, Илюша? «Ариэлем», Добрынюшка...

Что там на сей счет в синем сборнике? Ага, вот оно:

Плачу тоскливо,
Кимоно зашивая —
Смеется луна.

Луна висела справа, как раз за моим плечом. Растущая. И тоже смеялась. А еще, обернувшись, я наткнулась на чей-то взгляд. Так и есть – он самый, Квадратный Парень. Смотрит внимательно, без малейшей усмешки. Заметил мое движение, лениво отвернулся к окну.

И очень мне все это не понравилось.

Глава 4. Секретные материалы

Стирать – ненавижу. Но случается время от времени. Стиральным машинам не доверяю, стоят дорого, а результат сомнительный. Вот и приходится руками.

Все утро понедельника ушло на постирушку. Невыспавшаяся, злая как обойденная приглашением фея из Шарля Перро, я мылила, полоскала, отжимала.

С юбкой, похоже, придется проститься. Кровавые пятна не оттираются. Побледнели, расплылись, но и только. Зато сразу вспоминается жена Синей Бороды, у которой не отмывался золотой ключик. И еще – Фрида с платком. Ассоциации, конечно, варварские, но верные.

Позвонила Танька, звала в гости. Знаю я эти гости – опять представит мне объект очередной любви до гроба, а после станет рыдать и советоваться. Тридцать лет девке, а самостоятельности как в детском саду.

Отказалась. Чужло сердце, предстоят великие дела.

И точно – не успела я положить трубку, как нате, новый звонок. Спецназ беспокоит. Сейчас они, значит, с Доктором подъедут. Тортик принесут. И трубку положил, змей.

Это в мой-то беспорядок! И как теперь спастись? Я заметалась по квартире, то лихорадочно причесываясь, то сооружая потемкинскую деревню. Не сказать, чтобы у меня грязно, но одно дело – мой своеобразный уют, и совсем другое – принимать гостей. Куда-то надо пристроить угнездившиеся повсюду стопки книг, переменить скатерть на столе... Мыть пол уже некогда. Вообще, не люблю к себе приглашать. Сама предпочитаю наносить визиты.

Тортик, надо отдать должное, был правильный, какой я люблю – то есть шоколадный бисквит. Сидели на кухне, пили чай из сервизных чашек.

Их было трое – к Доктору со Спецназом присоединился еще Сисадмин. В миру – Алеша Ястребов, несмотря на свою молодость (или же благодаря ей) – компьютерщик высшего класса.

– Вы замечательно съездили в Мышкин, Ольга Николаевна, – проникновенно вещал Доктор. – Отрицательный результат все равно результат. А у нас появились новые сведения.

– И куда же вы хотите меня зафутболить с племянничком? – усмехнулась я уголками губ. Очень по-светски получается, если умеешь. Я умела.

– Вот, поглядите, – вмешался Сисадмин и протянул мне открытку. Белые розы, увитые золотой ленточкой, фигурная надпись «Поздравляем». На обороте – несколько наезжающих друг на друга строчек: «Дорогой Коля! Поздравляю тебя с днем рождения, желаю здоровья, счастья и успехов в учебе. Будь умницей и во всем слушайся старших. У меня все в порядке, не беспокойся. Твой дядя Юра».

– Это мне пришло, – пояснил Спецназ. – Это мне желают успехов в учебе.

– А почерк нашего Босса, никаких сомнений, – добавил Доктор.

– И как же это понимать? – я уставилась на него, забыв даже про уголки губ. – Он что, с ума сошел?

– Не исключаю, – признал Доктор. – Есть тому свидетельства. Ознакомьтесь, Ольга Николаевна.

В моей руке оказалась компьютерная распечатка.

– По электронной почте, – вставил Алеша-Сисадмин. – Пришло сегодня утром. Вы почитайте, почитайте.

«Дорогие коллеги, искренне раскаиваюсь в нашем с вами многолетнем эксперименте. Не знаю, есть ли у вас совесть, а у меня она имеется и мучит презрительно. Вам никогда не приходило в голову, что человеческий мозг – наивысшая драгоценность, и то, что мы

делаем друг с другом последние годы, способно разрушить нас всех? Последствия могут быть ужасными. Поверьте, я привык доверять своим предчувствиям. А они, предчувствия, мрачны. Кроме того, есть здесь и моральный момент. Привыкнув всегда и во всем полагаться на чужие ресурсы, не утратим ли мы самое себя, не станем ли бесплодными паразитами? А вдобавок, общество наше вынуждено быть тайным, а всякое тайное сообщество рано или поздно скатывается к мафии. Неужели никто из вас не задумывался об этом? Каюсь, я сам был слеп, я главный виновник всего происходящего, и вы вправе возненавидеть меня. Я и сам себе противен. И все же надо разорвать порочный круг, мы должны либо исчезнуть в нынешнем качестве, либо выйти наконец из тени и предать себя на суд человечества... Готовы ли вы сделать тот же выбор, что и я?

Ваш Юрий».

— Как видите, он явно не в себе, — мягко произнес Доктор. — Чувство вины, возвышенная стилистика — все это характерные признаки болезни. Пускай я специализируюсь не на психиатрии, но и базовые знания, и практический опыт...

— Адрес емейла левый, — добавил Сисадмин. — Сколько ни возился, отследить не смог. Скорее всего, «ай-пи» эмтэушный, значит, по карточке мог выйти в инет откуда угодно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.